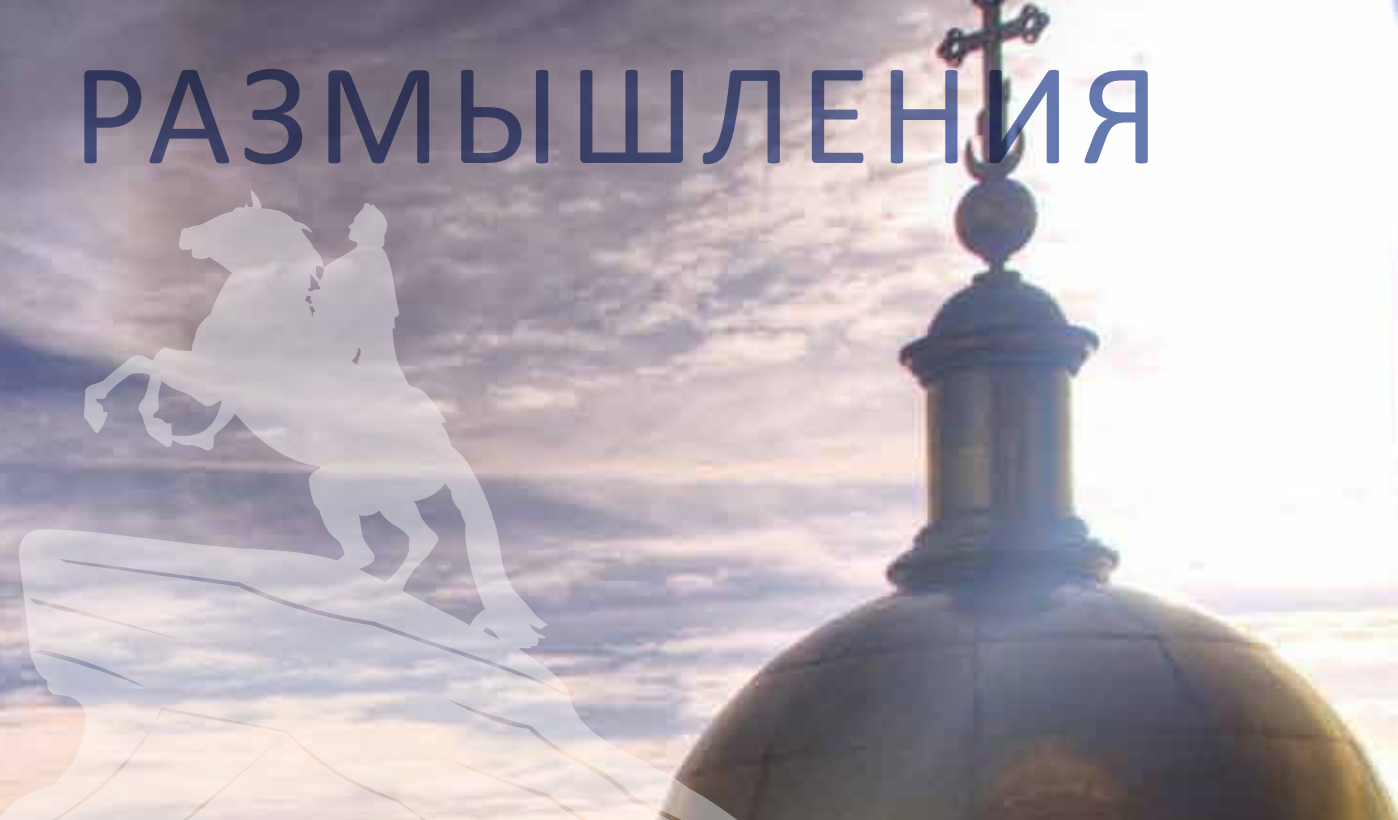

ПОЛИТИКА БЕЗОПАСНОСТИ ЗАВИСИТ ОТ СОСТОЯНИЯ УМОВ

ФОЛИАНТЫ СОВМЕСТНОЙ ИСТОРИИ

ФОЛИАНТЫ СОВМЕСТНОЙ ИСТОРИИ

ГУННАР ОСЕЛИУС

ПРОФЕССОР ШВЕДСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО
ВОЕННОГО КОЛЛЕДЖА

Гуннар Оселиус – один из наиболее популярных в Швеции историков. Он автор капитальной монографии «Kriegen Under Kalla Kriget» (Войны в эпоху «холодной войны»). Stockholm, 2007). В России получила известность его первая книга – «The "Russian Menace" to Sweden: The Belief System of a Small Power Security Elite in the Age of Imperialism» («Русская угроза» Швеции: Система представлений элиты, обеспечивающей безопасность малой державы, в эпоху империализма. Stockholm, 1994).

Вы – признанный специалист по военной истории. И потому хотелось бы обсудить проблемы психологии, психологии безопасности.

В своей уже давней книге «Русская угроза» Швеции» Вы приводите немало сведений относительно того, как воспринималась Россия в начале

XX века. С одной стороны, налицо был страх перед Россией – ловили русских шпионов, боялись, что Россия выйдет к Атлантике. Но с другой стороны – называли ее умирающей державой. Как это всё сочеталось?

Существовало представление о России как об умирающей державе. Оно возникло после ее поражения в войне с Японией и после революции 1905 года. До этого в Швеции, среди военных и дипломатов, доминировало представление, согласно которому Россия опасна, потому что она является экспансионистской, империалистической державой. Россия была великой державой, одной из тех, кто имеет право существовать в XX века. А вот для многих малых государств, в том числе Швеции, вопрос о будущем существовании был актуален. В тогдашней Европе господствовали социал-дарвинистские взгляды на общество – сильнейший выживает, слабейший гибнет. Будущее малых государств, малых народов в XX веке казалось призрачным. Люди в Европе видели, что народы в Азии, Африке теряли

свою свободу, свою самостоятельность. Почему же Швеция не могла оказаться частью Российской империи? Так рассуждали шведские военные и дипломаты до 1905 года. Они видели пример Финляндии, которая к тому же в 90-х годах XIX века утратила часть своей автономии. Всё это навевало мрачные мысли о собственном будущем.

Но параллельно шло интенсивное развитие экономики. Люди осознавали, что шведская промышленность и шведские инженеры приобретали всё большее значение в Европе. Это повышало са-

моценку нации. Поражение же России в русско-японской войне и последовавшая за тем революция помогли преодолеть представление о России как державе будущего. Она стала восприниматься как слабеющее и непредсказуемое государство. Непредсказуемое – прежде всего потому, что в нем множились опасные силы революции и анархии.

Вы пишете, что и до, и после 1905 года были люди, пытавшиеся использовать образ «русского врага» для сплочения и мобилизации скандинавского общества. Насколько успешны были эти опыты в начале XX века? И как они повлияли на общественные настроения в эпоху «холодной войны» и в современную эпоху?

В те годы в Швеции имел место интенсивный экономический рост, шла индустриализация. Усилились противоречия между городом и деревней. Проблемой для Швеции, как, впрочем, и для Германии и других западноевропейских стран, была конкуренция на рынке зерна, прежде всего ржи. Дешевое российское зерно создавало угрозу стабильному существованию части крестьянства, что провоцировало социальную напряженность в обществе. Поэтому и в Германии, и в Швеции уже в конце XIX века были введены высокие таможенные тарифы. Беспокойство по поводу российской

экономической экспансии порождало и опасения российской экспансии вообще, что обеспечивало социальную поддержку тем политическим силам, которые выступали за увеличение военных расходов. Экономическая конкуренция использовалась в политических целях – для консолидации общества перед лицом внешнего «врага».

Аналогичные тенденции консолидации общества имели место и в других странах Европы. Произошедшее в 1914 году объясняется, в том числе, и этим.

То есть бурное экономическое развитие в конце XIX – начале XX века привело к социальной дисгармонизации не только России, но и Германии, Швеции и других стран Западной Европы? Внутренние противоречия становились угрозой стабильности, требовали консолидации. А самый эффективный способ добиться консолидации – указать на врага. Это касается и России, где антигерманские настроения постепенно усиливались, и с началом войны они вылились в немецкие погромы, возможно, даже здесь, на Малой Морской, где мы сейчас находимся.

Да, это так. И на Исаакиевской площади, где находилось здание германского посольства.

Одним из объектов Ваших исследований была советская военно-морская доктрина в межвоенные годы. Огромное государство на востоке называлось теперь по-другому и по своей сути было другим. Поэтому с происходившим тогда в Европе проводить исторические аналогии труднее. И всё же, насколько трансформировалось восприятие России в военных кругах и, шире, в политикоформирующем сообществе Швеции? Какие фобии ушли, какие остались и возникли ли новые?

Человеческая память, память поколения не подвержена таким колебаниям, как политическая обстановка. Люди, чьи представления о мире сформировались в начале века, участвовали в общественной жизни до середины века. Значительное влияние на умонастроения оказали и советско-финляндская война 1939–1940 годов, и судьба прибалтийских государств в 1940 году. Из этих стран в Швецию прибыло немало беженцев.

Сегодня мы живем в другом мире. Государства

уже не могут утверждать свое влияние старыми методами грубой силы, через оккупацию чужих территорий. Сегодня экспансия осуществляется в основном экономически, а также через распространение культурных, образовательных и даже бытовых стандартов. В нашей части мира – в Северной Европе, на Балтике – военная мощь уже не играет прежней роли. Расстояние перестало быть первостепенным фактором размещения военной силы. Она может проецироваться со значительной дистанции.

И всё же. Политика внешней безопасности государств в существенной степени продолжает зависеть от состояния умов, от стереотипов восприятия, в том числе геополитических стереотипов. Представления, которые мы имеем о наших соседях, не меняются быстро.

И тем не менее, параметры современного мира допускают серьезнейшие противоречия по поводу размещения систем противоракетной обороны, по поводу балансов обычных вооружений. Возможно, Балтика здесь становится «крайней»? Почему Польша, а, например, не Венгрия? Почему Польша, а не Хорватия? Вы привели аргументы против того, чтобы на Балтике могла быть реализована проблема жесткой безопасности. Но велика вероятность того, что в Польше будут размещены средства противоракетной обороны, а Калининградская область вновь превратится в арсенал вооружений. Почему так?

Этот вопрос надо задать американцам. Американское правительство говорит, что это не против России, а против Ирана, против террористов в Паки-

стане. К тому же Россия декларирует свою готовность сотрудничать с западной системой безопасности. Некоторыми экспертами высказывается (но и оспаривается) также аргумент, согласно которому установление такого щита в Восточной Европе не помешает русским защищать свою территорию от НАТО с помощью ядерного оружия.

Одно дело, когда мы говорим сегодня, что американцы рано уходят из Афганистана. Мы не скрываем своей заинтересованности в том, чтобы американцы оставались там подольше. Ведь когда они уйдут, сегодняшняя Россия – более слабая страна, чем четверть века назад, – окажется не слишком далеко от неконтролируемого ответственным правительством источника разнообразных угроз. Позиция России рациональна.

Когда же вопрос касается размещения противоракет в Польше, здесь актуализируются те обстоятельства, с которых мы начали наш разговор. Вы, американцы, говорите, что это не против нас, русских, а против аятолл, а мы вам не верим – почему в Польше?

Знает ли шведское политикоформирующее сообщество, как разомкнуть этот круг взаимного недоверия? Как выйти из этой дурной бесконечности?

С исторической точки зрения это нормально, что существует недоверие между великими державами. Так было всегда. США и СССР вместе сражались против Германии и Японии, а затем они практически сразу стали противниками. И если они остались бы союзниками, это было бы ненормально.

Во второй половине XX века Швеция стремилась проводить особенную политику, и у нее это в немалой степени получалось. Международное влияние Швеции в 60-80-е годы базировалось на том обстоятельстве, что она была и не на Западе, и не на Востоке. Нынешнее снижение ее международного веса в немалой степени обусловлено вступлением в Евросоюз и фактическим отказом от политики нейтралитета. Но традиция внешнеполитического планирования, самостоятельной внешнеполитической рефлексии не может угаснуть так быстро. Шведы всё ещё размышляют над проблемами, для решения которых у Стокгольма уже нет ресурсов?

Чуть-чуть. Нынешний министр иностранных дел Карл Бильдт любит путешествовать и встречаться с политиками из разных частей света. В своем блоге он комментирует разнообразные вопросы мировой повестки. Бильдт гордится знанием ситуаций, зачастую весьма далеких от актуальных инте-

ресов Швеции. Некоторые современные обстоятельства стали достоянием общественности около года назад, когда «редакция» WikiLeaks опубликовала интересные доклады в Госдепартамент американского посольства в Стокгольме. Бильдта там именовали «собакой среднего роста, которая думает, что она собака большого роста».

В 60-80-х годах, во время «холодной войны», а потом разрядки, была ситуация, в которой Швеция могла играть роль, не соразмерную своим масштабам. Особенно в период разрядки. Швеция тогда была маленькой великой державой. Но тогда и наша экономика играла существенно большую роль в Европе. Хотя политические традиции довольно автономны от разнообразных «внешних» по отношению к ним факторов, они, конечно, не могут оставаться неизменными, когда эти факторы качественно изменяются.

Существует ли сегодня страх перед русскими? Или ныне это более сложное ощущение? Как разнообразные фобии влияют на стратегические представления и стратегическую ситуацию в регионе Балтийского моря?

Думаю, что существует недоверие в отношении России. Несколько лет назад оно проявилось в реакции на проект «Нордстрим». В некоторых кругах он трактовался как скрытая попытка усилить влияние России на Балтике, обеспечив себе постоянные подводные разведывательные позиции вблизи шведского острова Готланда и т.д.

С моей точки зрения, и американские планы противоракетной обороны есть не только сообщение иранским аятоллам. Одна из целей – устранить беспокойство Польши и других новых членов НАТО по поводу того, будут ли США защищать их, если потребуется, против России. При том что присутствие американских войск в Европе будет уменьшаться. Недоверие к России зависит от исторических причин, а также от восприятия в наших странах внутриполитического процесса в современной России.

Думаю, что и в России имеется недоверие к своим северо-западным соседям. Существуют и опасения, что планы строительства противоракетной обороны в Восточной Европе угрожают безопасности России. Негативным фоном является оценка ситуации с правами русских меньшинств в прибалтийских государствах.

Впрочем, обычные граждане в Швеции, России и других странах Балтики, как мне представляется, не испытывают того недоверия, которое имеет место в политикоформирующих кругах. Поэтому насчет нашего общего будущего я – оптимист.